

- ²⁹ ГПИБ. ОРК. 9408; РГБ. Музей книги. 13592; ГПИБ. ОРК 9409; экз. вел. кн. Николай Михайловича.
- ³⁰ БАН. 1786 / 28; НБ РАГС при Президенте РФ. 14380.
- ³¹ НБ РГАДА. ОРИ / рус. 1131.
- ³² СПБИБ РАН. XI – 1205.
- ³³ ГПИБ. ОРК. 63411; НБ РГАДА. ОРИ / рус. 1130; НБ РГО. R – 403; НБ ГИМ. ГИК. 109475/ 7 (377).
- ³⁴ ОННБ им. М. Горького. IV/ 240; ГПНТБ СО РАН. Д70–146; НБ РАГС при Президенте РФ. 14380.
- ³⁵ НБФ. 51. 79. IV.
- ³⁶ НБ РГО. R – 403; НБ РГАДА. ОРИ / рус. 1129; СПБИБ РАН. XI – 1205.
- ³⁷ ГПИБ. ОРК. 4544; РНБ. 330/ 93а.
- ³⁸ РНБ. 330/33.
- ³⁹ УрАГС. РК 32188; НТМГЗК. 29512; 5783.
- ⁴⁰ РНБ: 330/ 93.
- ⁴¹ ГАСО. Ф. 643. Оп.1. Д.313. Л. 62 об. -63; Д.429. Л. 47 об. За сведения благодарю Ю. В. Коновалова.
- ⁴² См.: *Мосин А. Г.* Механик Нижнетагильских заводов Павел Петрович Мо-
кеев (Материалы для биографии) // Демидовский временник: Исторический аль-
манах. Книга 1. Екатеринбург: Демидовский институт, 1994. С. 320.
- ⁴³ НБ СПбГУ. ОРК 5344; Всероссийский музей А. С. Пушкина (Мойка, 12).
Отдел книжных фондов. КП 28471 / 5390-р; НБ ГИМ. ГИК. 109475/ 7 (377).

О. А. Мельчакова

**ОБУЧЕНИЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ
ТЕХНИЧЕСКОГО И УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА
ДЛЯ НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО ГОРНОЗАВОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА
Н. Н. ДЕМИДОВА**

В 1787–1828 гг. владельцем Нижнетагильских заводов и многочислен-
ных вотчин являлся Николай Никитич Демидов. Для подготовки управ-
ленческого персонала домовых, городских и заводских контор, квалифи-
цированных технических специалистов для заводского производства и зо-
лотопромышленности, развивавшейся в Нижнетагильском горном окру-
ге с 1823 г., Николай Никитич открыл Выйское и Санкт-Петербургское
училища, а также достаточно широко практиковал обучение новым тех-
нологиям и ремеслам на заводах Урала, России и за границей.

Деятельность Выйского училища достаточно подробно изучена в ис-
ториографии. В частности, в работах Э. А. Черноухова исследуются со-
став учеников, система их обучения и воспитания и персоналии учителей
Выйского училища¹. Т. К. Гуськова, подчеркивая значительную роль Вый-
ского училища в системе подготовки технических кадров и всего управ-
ленческого аппарата Нижнетагильского хозяйства Н. Н. Демидова, отме-

чает, что по данным «формулярных списков» 1810 г. большая часть служащих (250 из 485) были выпускниками этого учебного заведения². В ряде работ содержатся сведения об изучении тагильскими мастеровыми новых технологий на казенных заводах России³.

К числу мало изученных в историографии проблем относится история создания учрежденного Н. Н. Демидовым Санкт-Петербургского училища. По мнению Э. А. Черноухова это учебное заведение являлось «училищем-пансионом повышенного типа» и было открыто в 1822 г. Но изучение переписки Н. Н. Демидова с руководством Санкт-Петербургской конторы за 1798–1801 гг., его инструкции этой конторе от 12 июня 1801 г. и других документов, хранящейся в Российском государственном архиве древних актов (фонд 1267) и Государственном архиве Свердловской области (фонды 102 и 643), позволяет говорить о другой дате открытия этого учебного заведения. Обратимся к сведениям, содержащимся в выявленных нами документах.

В сентябре 1798 г. Николай Никитич предписал включить в число учеников Санкт-Петербургской школы, которая, по его словам, «вскоре учредится», двух приехавших из Нижнего Тагила мальчиков, Ивана Степанова и Андриана Густомесова, а также трех сыновей приказчика Санкт-Петербургской конторы Акинфия Любимова⁴. Видимо, для обучения этих пяти подростков был нанят учитель, который вел с ними занятия до его увольнения в мае 1799 г., когда «для обучения немецкому и французскому языкам, арифметике и правописанию приказчика Любимова детей и сибирских мальчиков Ивана Степанова и Андреяна Густомесова, также и впредь еще кто... назначены будут», был приглашен новый учитель Николай Козлов с жалованьем 200 рублей в год, предоставлением «покоев» и дров⁵. Но в октябре 1800 г. управляющие Санкт-Петербургской домовой конторы Н. Н. Демидова заключили контракт с другим учителем французского и немецкого языков, «господином Дюфеитом», который должен был получать значительно большее вознаграждение за свои труды, чем его предшественник, 500 рублей жалованья ежегодно⁶. Один из его учеников, старший сын Акинфия Любимова, Иван, в том же 1800 г. по приказу Н. Н. Демидова был назначен писцом в Санкт-Петербургскую контору с жалованьем 60 рублей в год, а его отцу было предписано заниматься практическим обучением своего сына: «Приучать к своей должности, как-то, к перевеске железа и записке прихода и расхода денег»⁷.

В течение 1800 г. Н. Н. Демидов неоднократно требовал от руководства Нижнетагильской конторы отправки в Санкт-Петербург мальчиков для их обучения. Так, например, в письме нижнетагильским приказчикам от 8 июня этого года заводовладелец предписал отправить в Санкт-Петербургскую контору, «если прежде попутной оказии не окажется, то бу-

дущим летом на однолетнем караване» для обучения, «как хорошему письмоводству, так и иностранным языкам», трех подростков от 10 до 12 лет, «выбрав к тому способных и к наукам склонность имеющих из служительских детей или ... из сирот». В собственноручной приписке Н. Н. Демидова к этому написанному его секретарем письму хозяин Нижнетагильских заводов счел необходимым указать на принцип отбора учеников: «Стараться, чтобы оные мальчики были весьма востры, дабы оных понапрасно сюда не провезти, дураков же я не люблю и здесь таковых довольно из подмосковных найти можно»⁸. В инструкции Н. Н. Демидова от 24 ноября 1800 г., предназначенной направляемому на Нижнетагильские заводы в качестве его доверенного лица («комиссара») М. Г. Ткачеву, вновь был поставлен вопрос об отправке в Петербург двух мальчиков 11–12 лет, имеющих «способности к навыку в письмоводстве и к научению юриспруденции». Предписывалось выбрать их из учеников местного «арифметического училища» и отправить для обучения, чтобы «со временем могли занять прикащики места»⁹.

В инструкции Демидова Санкт-Петербургской конторе, датируемой 12 июня 1801 г., о школе при этой конторе упоминается как об уже созданной. 22 пунктом этого инструктивного документа предписывалось: «В школе, при оной конторе учрежденной, иметь в ученье российской словесности, чистописанию, арифметике, геометрии и географии, французскому и немецкому языкам до двенадцати мальчиков... Выбор же к обучению мальчиков делать по способности, а не по какому-либо пристрастию, и в ту школу поместить двух: Константина Исаева, Ивана Турыгина, из заводов моих на однолетнем петербургском караване отправленных. Если же из находящихся ныне и имеющих поместиться впредь будут к ученью словесности и прочего неспособными, таковых по надобностям отправлять в заводы или же помещать при домах по способностям их в должности или же отдавать в мастерства на выучку в годы без платежа за оное денег»¹⁰. А в утвержденном заводоладельцем в том же 1801 г. «Положении о потребной на содержание контор и домов в годичное время сумме», в общем количестве расходов, планируемых на 1801 год по Санкт-Петербургской конторе, была включена тысяча рублей, предназначаемая «на содержание учеников 12 человек, на наем учителей и на покупку для училища книг и прочего»¹¹.

Документы, хранящиеся в ГАСО, позволяют выявить некоторые биографические сведения о первых учениках Санкт-Петербургского училища. В частности, они свидетельствуют о том, что Андриан Густомесов вместе с Александром Любимовым был командирован в Англию, вернувшись на Урал в 1811 г., в течение шести лет занимал должность помощника приказчика Висимо-Шайтанского завода, а позднее был писцом в

приказном повытии Нижнетагильской заводской конторы, чертежником в чертежной и строительной комиссиях той же конторы, смотрителем Нижнесадинской заставы. Его общий стаж в «служительском штате» составил более 35-ти лет¹².

Иван Степанов также побывал в Англии, откуда вернулся в 1807 г. Характеризуя познания, приобретенные этим «пенсионером» во время пребывания за границей, Н. Н. Демидов писал директору Нижнетагильских заводов М. Д. Данилову: «Он знает чертить и сам делать своими руками немного машины, умеет говорить по-французски немного...»¹³ По распоряжению Николая Никитича И. Степанов был определен в помощники к находящемуся в Нижнем Тагиле профессору Ферри с жалованьем 150 рублей в год¹⁴. Иван Турыгин занимался «письмоводством» в канцелярии живущего за границей Н. Н. Демидова вплоть до своей смерти, последовавшей 12 мая 1819 г.¹⁵

Видимо, со временем Санкт-Петербургское училище прекратило свое существование, поскольку проблемы, связанные с его новым открытием, вновь начинают обсуждаться в переписке управляющих Санкт-Петербургской конторы с Н. Н. Демидовым и Московской домовой конторой в 1822 г. Так, в марте этого года петербургские администраторы активно занимались набором учеников в эту учебное заведение. В ордере от 24 марта, адресованном московским управляющим, они требовали немедленно отправить к ним двух мальчиков из Ерахтурской вотчинной школы¹⁶ и Александра Шорникова, сына приказчика Московской конторы, а также информировали руководство Московской конторы, что школа при Санкт-Петербургской конторе «заводится ... по особой воле господина Николая Никитича, учеников должно быть от 8 до 10 человек, преподаваться будут: закон божий, российский, французский и немецкий языки, география, история, арифметика и рисование. Ученики будут жить все вместе под особым надзором учителя, содержимы приличным столом и платьем на счет его превосходительства, по времени некоторые, может быть, отправятся в чужие края точно так, как было с нижеподписавшимися Даниловым и Любимовым»¹⁷.

Приведя в качестве примера собственную блестящую карьеру и пребывание за границей, петербургские управляющие Павел Данилов и Александр Любимов пытались склонить приказчика Московской конторы П. С. Соловьева к отправке его сына Филарета в создаваемое училище. По их мнению, обучение в этом учебном заведении позволит Филарету получить «весьма хорошее воспитание, тогда как при отце может только баловаться, да и ныне не показывает никаких успехов ни в правописании, ни в чистописании»¹⁸.

В письмах, отправленных из-за границы в марте 1822 г., Н. Н. Демидов торопил петербургских управляющих с открытием школы, и они вы-

нуждены были оправдываться перед ним, пытаясь переложить вину на приказчиков Нижнетагильской конторы, задерживающих отправку мальчиков для обучения в этой школе. Демонстрируя свою деятельную заботу об открытии «домашней» школы, петербургские управленцы в письме от 25 марта доложили хозяину о том, что подыскивали учителя, «с весьма хорошей стороны рекомендованного», и заключили с ним контракт («условие»), оговорив в нем, что в течение месяца он не будет получать жалованья, поскольку ученики еще не собрались¹⁹.

В качестве учителя был нанят Егор Лазаревич Зорич. Согласно заключенному с ним контракту, он должен был приступить к обязанностям учителя Санкт-Петербургской школы 15 апреля 1822 г. и обучать 8–10 учеников русскому, французскому и немецкому языкам, грамматике, арифметике, истории, географии, чистописанию и рисованию²⁰. Жалованье Зорича должно было составлять 1500 рублей ассигнациями в год и выдаваться ему за три месяца вперед. Учителю также предоставлялась квартира «с отопкой и освещением» в доме Н. Н. Демидова, расположенном в четвертом квартале Васильевской части Санкт-Петербурга²¹. Через год обучения школьникам предстояло сдать экзамен «в присутствии управляющих конторою господина Демидова и посторонних особ». Управляющие могли в свободное от уроков время занимать школьников «перепискою конторских бумаг, сочинением счетов и тому подобным для приучения к делам, до конторы господина Демидова касающимся».

В 1823 г. по приказу Н. Н. Демидова круг преподаваемых в школе иностранных языков был расширен за счет английского языка. В письме от 4 августа этого года петербургские администраторы доложили ему, что двое учеников будут обучаться английскому языку служителем Санкт-Петербургской конторы Павлом Колуновым, побывавшим в Англии в 1821 г.²²

В июне 1823 г. состоялся «первый выпуск» учеников из Санкт-Петербургского училища. Трое из выпускников, Григорий Анедин, Иван Трефилов и Семен Протасов были приняты в штат служащих Санкт-Петербургской домовой конторы, но более полугода продолжали содержаться за счет Н. Н. Демидова («на иждивении господском»). Только в январе 1824 г. руководство конторы приняло решение назначить им жалованье, «дабы они более могли привыкнуть к содержанию себя и к экономии»: Анедину и Трефилову по 450 рублей в год, Протасову – по 400 рублей²³. Еще один выпускник школы Мануил Воронов в декабре 1823 г. был назначен служителем в Одесскую контору Н. Н. Демидова²⁴. Наличие в фонде 643 ГАСО послужного списка Григория Анедина позволяет проследить его служебную карьеру до 1847 г. Изучение этого документа свидетельствует о том, что он не только поднялся по служебной лестнице с писца Санкт-Петербургской конторы до начальника заводского отдела

ния Главного правления Нижнетагильских заводов с ежегодным окладом 900 рублей, но и получил «вольную»²⁵.

В конце октября 1823 г., после отчисления двух учеников, в школе осталось 10 мальчиков, но Н. Н. Демидов настаивал на увеличении количества учеников до 12 человек²⁶. Для осуществления этого желания Николая Никитича его племянник, Н. Д. Дурново, выступавший в качестве доверенного лица Демидова, в январе 1824 г. предложил петербургским управляющим поручить уехавшему на Нижнетагильские заводы конторщику Ф. Никерину «выбрать из Выйской школы четырех лучших учеников возрастом от 10 до 13 лет, несмотря на родство и на то, что из служительских или прикащичьих детей, но более принимая в уважение природные способности к продолжению наук и занятий по конторе, из коих двоих, кои будут из них постарше, взять с собою на караване до Нижнего, а оттуда прямо сюда в Петербург, последних же двоих, оставя на месте, иметь на замечании на случай будущего требования для помещения в здешнюю школу на могущие открыться вакансии»²⁷. В мае – июне 1824 г. вопрос об отправке в Петербург мальчиков, выбранных Ф. Никериным из учеников Выйского училища, обсуждался в переписке Санкт-Петербургской конторы с Н. Н. Демидовым. В письме от 3 июня петербургские администраторы сообщили хозяину, что выбраны 6 мальчиков: Осип Лепилов, Николай Гайдуков, Николай Попов, Тимофей Белов, Михаил Соловьев и Александр Мокеев. После их приезда в Петербург Е. Л. Зорич должен был проверить их способности к обучению, а петербургским управляющим предстояло решить дальнейшую судьбу этих мальчиков: признанные непригодными осваивать науки в «домашней» школе должны были вернуться в Нижний Тагил или поступить «в другое какое-либо учение»²⁸.

Изучение послужных списков служащих Нижнетагильских заводов позволяет утверждать, что, по крайней мере, двое из этих шести привезенных с Урала мальчиков не только обучались в Санкт-Петербургском пансионе, но и были отправлены на стажировку за границу. В частности, Осип Лепилов побывал в Саксонии, а затем продолжил обучение в Санкт-Петербургском университете. В 1835 г. он был включен в штат служителей, начав свою служебную деятельность с должности секретаря при директоре Нижнетагильских заводов. Через год он был назначен «помощником правительственных дел» в Санкт-Петербургской конторе, через 4 года – писцом в общественном отделении той же конторы, а еще через 3 года – писцом в Нижнетагильской конторе²⁹. Николай Попов был командирован в Англию, после возвращения из-за границы более года находился на должности служителя Нижнетагильской конторы «по разным поручениям», а затем в течение более десяти лет занимал должность секретаря директора Нижнетагильских заводов³⁰.

Кроме мальчиков из семей приказчиков домовых контор и заводских мастеровых и служителей, среди учеников Санкт-Петербургского пансиона были подростки из Ерахтурской вотчины Н. Н. Демидова. Так, с декабря 1823 г. до июня 1824 г. в нем обучался сын приказчика этой вотчины Анфиноген Обедов, после чего он был зачислен в Московское училище сельского хозяйства³¹.

Принимались в Санкт-Петербургскую «домашнюю школу» и мальчики из семей вотчинных крестьян Марии Никитичны Дурново, но Н. Н. Демидов ограничивал их количество, запретив принимать более двух человек³².

Таким образом, деятельность училища, созданного при Санкт-Петербургской домовой конторе Н. Н. Демидова по типу домашнего пансиона, фактически началась в 1798 г. Его второе открытие произошло в 1822 г. В круг изучаемых в этом учебном заведении предметов входили иностранные языки, владение которыми было необходимо для управляющих и служителей Санкт-Петербургской и Московской домовых контор, занимающихся внешнеторговыми операциями и ведущих часть переписки на английском и французском языках, а также для персонала тех городских контор («железных продаж»), которые поддерживали контакты с иностранными маклерами. Кроме того, незнание иностранных языков затрудняло выезд за границу для выполнения поручений часто выезжавшего, а затем поселившегося там заводовладельца, для прохождения заграничной стажировки с целью обучения тем или иным наукам и новым технологиям.

В историографии отмечено, что в системе подготовки технических кадров и управленческого персонала наряду с обучением в собственных учебных заведениях, учрежденных Н. Н. Демидовым, значимую роль играли стажировки за границей. Фрагментарные сведения о командировании крепостных Н. Н. Демидова для обучения в Европу приводятся во многих научных и популярных работах. В частности, С. В. Устьянцев рассматривает отправку на обучение в Европу демидовских «агентов» Швецова, Монзина, Корякова, Ерофеева, Никерина, Е. Черепанова, как способ промышленной разведки для проникновения к технологическим секретам³³. Автор научно-популярной работы о Демидовых, владевших Нижнетагильскими заводами, И. М. Шакинко, считал, что «только в 1806 году Николай Никитич отправил больше сотни молодых людей в Англию, Швецию, Францию, Австрию для изучения горнозаводского дела»³⁴. Другую цифру приводит Т. К. Гуськова, автор монографии о Нижнетагильском заводском хозяйстве Демидовых в первой половине XIX в. По ее мнению, «всего за период с 1804 по 1837 гг. было отправлено за границу 48 человек (в т. ч. 20 для обучения техническим специальностям)»³⁵. Е. В. Алексеева, обоб-

щая исследования, посвященные взаимоотношениям России и европейских стран, рассматривает обучение за границей «наиболее достойных учеников» государством, Демидовыми и другими частными лицами, как один из каналов диффузии западноевропейских инноваций в российский социум³⁶. Значительный интерес представляет работы В. С. Виргинского о Ефиме Алексеевиче и Мироне Ефимовиче Черепановых, а также о Фотии Ильиче Швецове³⁷.

Попытаемся обобщить имеющиеся в историографии сведения о «пенсионерах» Н. Н. Демидова и дополнить их биографиями его менее известных «воспитанников», основываясь на неопубликованных документах, хранящихся в фондах 102 и 643 ГАСО.

Итак, вполне естественно, что, являясь владельцем горных заводов, Н. Н. Демидов, прежде всего, был заинтересован в подготовке квалифицированных специалистов горного дела. Острая необходимость в профессионалах, способных открывать новые золотосодержащие рудники и расширять и совершенствовать золотодобычу на приисках при Нижнетагильских заводах, возникла в конце 1823 г., когда было положено начало золотопромышленности в Нижнетагильском округе. Осознание этой необходимости подтолкнуло заводовладельца к принятию в феврале 1824 г. решения об обучении за границей, во Фрейбурге (Саксония), горному делу двух подростков из числа учеников Выйского училища или Санкт-Петербургского пансиона и двух молодых заводских штейгеров³⁸. Но петербургские управляющие, получив от него письмо с распоряжением по этому поводу, продемонстрировали заботу об экономии господских средств, предложив выяснить возможность «практического обучения производству по золотым промыслам» в Горном корпусе. Они писали по поводу условий обучения в этом учебном заведении: «Обучают минералогии также точно, как и в чужих краях, содержание же и обучение будут стоить вашему превосходительству дешевле, нежели во Фрейберге, и мальчики будут благонадежнее воспитанных в чужих краях»³⁹. Но уже в мае того же года Санкт-Петербургская контора доложила Демидову, что «по учиненной конторою справке оказалось, что для обучения минералогии в Горный корпус крепостных людей не принимают, а посему, во исполнение воли Вашей, два мальчика на сей предмет, вместе с двумя же штейгерами, из заводов сюда отправленными, во Фрейберг отправлены быть имеют. Один мальчик предназначен из здешней школы, оставшийся после дворового купленного, другой – из Выйской, из тех, кои выписываются сюда, обучившийся тому немецкому языку»⁴⁰. Штейгерами, отправившимися на обучение во Фрейбург в 1824 г., стали Коряков и Монзин, которые вернулись в Нижний Тагил 13 сентября 1825 г.⁴¹ Позднее подготовка за границей специалистов горного дела практиковалась Н. Н. Демидовым неоднок-

ратно. Так, например, в мае 1827 г. был отправлен в Дрезден для обучения минералогии шестнадцатилетний ученик Выйского училища Алексей Ерофеев, родной брат которого выполнял функции секретаря Н. Н. Демидова с осени 1822 г.⁴²

Некоторые из «воспитанников» Н. Н. Демидова, прошедшие обучение за границей, вполне оправдывали надежды хозяина, оплачивавшего их вояж. Так, например, Монзин и Коряков в 1825 г. занимались «отысканием и пробой серебряных и свинцовых руд»⁴³, а с 1828 г. стали заведовать лабораториями по испытанию медных руд, устроенными при Нижнетагильском и Выйском заводах⁴⁴. Фотий Ильич Швецов, прошедший курс обучения в Парижской высшей горной школе в 1824–1827 гг., после возвращения на Урал был назначен в 1830 г. управляющим медным рудником, на котором он полностью преобразовал систему организации горных работ. Кроме того, в 1829–1830 гг. Швецов успешно занимался опытами с пудлинговыми печами⁴⁵. Алексей Ерофеев после обучения за границей с 1835 г. работал служителем при медном руднике, через год занял должность «служителя по особым поручениям» при Нижнетагильской конторе, а еще через год был назначен приказчиком Выйской заводской конторы⁴⁶.

Но были и другие «воспитанники» Н. Н. Демидова, которые не окупили его немалых затрат на их заграничную стажировку, либо пытались отказать от предназначенной им карьеры служителей. Дальнейшую судьбу некоторых побывавших за границей крепостных Н. Н. Демидова можно проследить по документам ГАСО.

Обратимся к истории одного из конторских служителей, Василия Малышева, который в 1820-х гг. был отправлен в Дрезден для изучения «горной науки». Уже находясь за границей, он осознал, что ощущает потребность посвятить себя служению Богу («вступить в духовенство») и поэтому обратился к Н. Н. Демидову с просьбой разрешить ему вступить на духовную стезю. Но хозяин ответил отказом, поскольку отнес «сие желание к его молодости и мечтательности». После возвращения в Россию Малышев был назначен служителем в деревню Демидовку в Одесской вотчине («экономии»), но вновь безуспешно пытался добиться разрешения Н. Н. Демидова поступить в Киевскую духовную семинарию⁴⁷. После смерти Николая Никитича старший из его сыновей, Павел Николаевич, взявший на себя управление имением отца, выразил желание помочь Малышеву в осуществлении его планов. В письме управляющему Санкт-Петербургской домовой конторы А. А. Любимову от 31 июля 1828 г. новый хозяин прежде всего изложил свой подход к решению проблемы: «Мое правило: силой... никого и ни к какой должности не определять, ибо от такого человека пользы совсем не будет или и будет, но очень малая». А

затем распорядился выяснить, насколько искренне желание Малышева стать священником и не продиктовано ли оно стремлением освободиться от крепостного состояния. Павел Николаевич писал по этому поводу: «Если и по сие время он не переменял своего намерения и если только он имеет желание посвятить себя сей части, а не для того, чтоб только воспользоваться свободою, то я согласен дать ему отпускную. Но вы наперед узнайте через протоиерея Михаила, точно ли истинное желание имеет Малышев к сей части, и чрез него ж дайте ему почувствовать о строгих обязанностях священника или монаха, а то он, может быть, думает, что сия должность без затруднений, в чем много ошибается. Коль же скоро окажется, что он желает быть в духовном состоянии, как и выше говорю, для того только, чтоб быть свободным, то за таковое притворство заслуживает наказания, почему и рекомендую вам сие обсудить и как можно вернее собрав справки, мне донести»⁴⁸.

Но В. Малышеву не суждено было стать священником. Письмом от 22 сентября 1828 г. П.Н. Демидов утвердил представление петербургских управляющих о назначении Малышева старшим помощником в заводское повытье Нижнетагильской заводской конторы. Демонстрируя поддержку выбранной Малышевым стези заводского служителя и стремление поощрить его выбор, Павел Николаевич даже предписал выплачивать ему по триста рублей в год, что превышало жалованье, предусмотренное штатным положением: «В заводское повытье в старшие помощники вместо А. Урвина поместить В. Малышева с жалованьем не по штату, а к дальнейшему его, Малышева, поощрению, по триста рублей в год»⁴⁹.

Не оценили потраченный на их обучение «господский кошт» побывавшие в Париже В. Паужнин и В. Цуканов, назначенные после возвращения служителями Одесской конторы⁵⁰. В сентябре 1822 г. управляющий этой конторы Г. Логинов сообщил руководству Санкт-Петербургской конторы, что эти служители, «уклоняясь от исправления дел и возлагаемых на них поручений, обращаются в пьянстве и других пороках»⁵¹. Уведомленный об этой жалобе Логинова Н. Н. Демидов в письме, адресованном петербургским администраторам, изложил свои впечатления о знакомстве с Паужниным и Цукановым за границей: «Я знал Цуканова еще тогда, когда он находился в Париже. Поведение его не лучше было нынешнего... Паужнин же имеет характер весьма заносчивый, а на дело способен очень мало». По мнению разгневанного заводовладельца, оба провинившихся заслуживали быть отданными в солдаты. Но, поскольку Логинов считал, что Цуканов еще может исправиться, Демидов разрешил оставить его «для переписки бумаг в купленной вотчине». Что касается Паужнина, Николай Никитич был убежден, что, «чем содержать напрасно в конторе, лучше отдать... в солдаты»⁵². Но петербургские управляющие сочли, что в обучение Пауж-

нина вложено слишком много денег, которые он обязан отработать. Их мнение было вполне обоснованным, так как этот «воспитанник» Н. Н. Демидова находился на его содержании в течение восьми лет, из которых шесть с половиной лет провел в Перми и Казани «для приучения приказным делам», а полтора года находился в Париже «при канцелярии господина Николая Никитича»⁵³. Видимо, реальная перспектива быть отданным в рекруты подействовала на Паужнина и он оценил заступничество петербургских управленцев, отработав в «служительском комплекте» 25 лет, занимая должности писца, а затем конторщика в Одесской конторе, служителя «при продаже металлов» в Константинополе, конторщика в Санкт-Петербургской конторе, писца в Московской домово́й конторе и разные должности в Нижнетагильской заводской конторе⁵⁴.

Разочаровал Н. Н. Демидова и стажировавшийся в Англии служитель Леонтий Кротов, вернувшийся в Россию в августе 1805 г. По распоряжению Николая Никитича для того, чтобы убедиться в том, что Кротов «имеет сведение делать разных сортов литейную сталь», управляющие Санкт-Петербургской домово́й конторы предложили ему доказать это на практике. Но Кротов провалил устроенный ему «экзамен» Сообщая Н. Н. Демидову о неудачной попытке Кротова отлить сталь, петербургские администраторы писали, что для проведения «испытания» познаний Кротова на даче жены Н. Н. Демидова, Елизаветы Александровны Демидовой, «под его [Кротова] присмотром и распоряжением сделана печка и куплены по требованию его ж материалы и припасы, однако, никакого в том успеха не оказалось» и потраченные на покупку материалов для постройки печки, глины для изготовления горшков и разных «специй» для стали 282 рубля 81 копейка оказались выброшенными на ветер⁵⁵. В декабре 1805 г. Кротов отправился из Санкт-Петербурга на Нижнетагильский завод вместе с Михаилом Даниловым, назначенным «первоприсутствующим Нижнетагильской конторы», и профессором Ферри, нанятым в Меце «для приведения заводских действий в лучшее устройство»⁵⁶. По приказу петербургских управляющих Кротов должен был поступить в распоряжение М. Данилова и получать жалованье по 200 рублей в год, начиная с 1 января 1806 г.⁵⁷ Но уже в письме в Санкт-Петербургскую контору от 11 января этого года М. Данилов доложил, что Кротов «ведет себя неприлично и выходит из послушания». Отвечая на его послание, петербургские управленцы сообщили, что не лучшим образом Кротов вел себя и во время пребывания в Петербурге и предписали отмечать все его проступки в послужном списке⁵⁸. Поэтому вполне объяснимо, почему этот «пенсионер» Н. Н. Демидова не сумел подняться по служебной лестнице. По штату Нижнетагильской заводской конторы 1819 г. он числился всего лишь служителем, занятым при составлении планов ведения горных работ с жалованьем 100 рублей в год⁵⁹.

Среди побывавших за границей демидовских «пенсioenеров» были и те, для которых иностранный вояж способствовал будущей успешной карьере управленцев. Так, например, Павел Данилов, Александр Любимов, Федор Соловьев стали управляющими Главной Санкт-Петербургской домовой конторы. Выпускник Выйского и Санкт-Петербургского училищ Ассон Серебряков, в течение 1827–1828 гг. находившийся при канцелярии Н. Н. Демидова, после возвращения в Россию занимал разные служительские должности в управленческом аппарате Санкт-Петербургской и Нижнетагильской контор, дослужившись до начальника Общественного отделения Главного управления Нижнетагильских заводов⁶⁰. Другой выпускник Санкт-Петербургского училища, Иван Киселев, обучавшийся коммерции в Любеке, в 1838 г. был назначен приказчиком Нижнетагильской металлической продажи⁶¹.

Хорошее владение иностранными языками, приобретенное в результате их изучения в Выйском и Санкт-Петербургском училищах и за границей, являлось важной составляющей будущей служебной карьеры. В этом отношении представляет интерес биография восемнадцатилетнего служителя Санкт-Петербургской конторы Павла Колунова, который по распоряжению Н. Н. Демидова в мае 1819 г. отправился в Париж, а затем из Франции переехал в Англию⁶². Обратимся к сведениям, содержащимся в архивных документах, которые позволяют восстановить некоторые эпизоды его жизни.

Павел Колунов был зачислен в штат служителей Санкт-Петербургской конторы 1 апреля 1818 г., когда ему было лишь 17 лет, по просьбе его отца Якова Колунова «для приучения ... заблаговременно к конторским делам»⁶³. При зачислении на службу ему было назначено жалованье в размере 400 рублей в год. Ко времени отъезда за границу Павел Колунов уже имел какие-то познания в немецком и французском языках⁶⁴.

В мае 1819 г. управляющие Санкт-Петербургской конторы договорились о провозе Колунова на корабле, который должен был доставить 3000 пудов штыковой меди из Кронштадта в Руан⁶⁵. Из Руана Колунову предстояло отправиться в Париж к Н. Н. Демидову, а затем следовать в Англию. Когда Колунов уже уехал в Кронштадт, петербургские управляющие получили письмо от Николая Никитича, в котором он предписывал отправить Колунова не в Париж, а в Гуль, но выполнить его распоряжение уже не представлялось возможным⁶⁶. Как отмечает В.С. Виргинский, именно Павлу Колунову, находившемуся в Гулле «для практики в английском языке и в конторском деле», было поручено в качестве переводчика сопровождать прибывшего в этот город 20 июня 1821 г. Е. А. Черепанова в его поездках по английским заводам⁶⁷.

После возвращения Колунова в Петербург в начале 1822 г. приобретенные им познания в английском и французском языках применялись на

практике для ведения конторской переписки с иностранными корреспондентами. Под руководством П. Данилова он занимался перепиской на французском языке, а также помогал А. Любимову вести переписку на английском языке⁶⁸. В августе 1823 г. петербургские управляющие поручили Колунову давать уроки английского языка двум ученикам Санкт-Петербургской училища⁶⁹. Но уже в конце 1823 г. Николай Никитич потребовал прислать к нему П. Колунова для того, чтобы поручить ему обязанности секретаря, ведущего его переписку, поскольку находящийся при нем секретарь не справлялся с ее возросшим объемом⁷⁰.

Хорошо владеющие тем или иным иностранным языком «пенсионеры» Н. Н. Демидова иногда преподавали этот язык ученикам Выйского училища. Так, например, Андриан Густомесов в 1818–1819 гг. был учителем английского языка в этом учебном заведении⁷¹, а выпускник Выйского училища Василий Шмаков, в течение шести лет обучавшийся во Франции, преподавал воспитанникам этого училища французский язык в 1824–1830 гг.⁷²

Таким образом, значительные средства, которыми располагал Н. Н. Демидов, вкладывались им в командирование своих крепостных в Европу, где они могли приобрести знания о промышленных производствах, получить информацию о новейших технологиях и передовых методах организации производства, изучить горное дело и минералогию. В роли заграничных «пенсионеров», как правило, выступали выпускники Выйского и Санкт-Петербургского училищ. Но не все из побывавших за рубежом оправдывали надежды, которые возлагал на них заводовладелец.

В. О. Ключевский считал, что иногда «домой привозилась удивлявшая иностранцев смесь заграничных пороков с дурными родными привычками»⁷³. Однако плохое поведение и нежелание выполнять поручаемые обязанности, возможно, не всегда были следствием дурных привычек. Может быть, иногда это было реакцией на осознание невозможности получить «вольную»? Та свобода, которой пользовались «воспитанники» Н. Н. Демидова за границей, видимо, в большей или меньшей степени пробуждала стремление освободиться от крепостной зависимости. Так, например, остается неясным, что стояло за столь настойчивым стремлением Василия Малышева стать священником: искреннее желание вступить в духовенство либо избавиться от крепостничества. Если он имел осознанную потребность посвятить себя Богу, то почему все-таки стал конторским служителем, а не воспользовался разрешением П. Н. Демидова отказаться от служительской карьеры? Скорее всего, причину следует искать в том, что любые побудительные мотивы, имеющиеся у Малышева, не устраивали петербургских управляющих, которые, как и их прежний хозяин, Н. Н. Демидов, дорожили каждым обученным за границей служителем и были заинтересованы в полной укомплектованности «служительского штата».

Случаи получения «вольных» крепостными служителями Н. Н. Демидова были достаточно редким явлением. Как правило, свободу получали только имевшие большой стаж работы в высшем управленческом аппарате и заслужившие доверие хозяина управляющие Санкт-Петербургской домовой и Нижнетагильской заводской контор, а иногда и их сыновья, зачисленные в «служительский комплект». Так, например, получили «отпускные письма» от Н. Н. Демидова управляющий Санкт-Петербургской конторой Павел Данилов, ставший купцом третьей гильдии; Филарет и Федор Соловьевы, сыновья Петра Семеновича Соловьева, успешно выполнявшего функции «комиссара» по Нижнетагильским золотым приискам⁷⁴; управляющий Одесской конторой Логинов, записавшийся в купцы первой гильдии⁷⁵. В конце 1825 г. Н. Н. Демидов распорядился оформить официальный документ, согласно которому после его смерти следовало даровать вольность находящемуся при нем во Флоренции секретарю Михаилу Ивановичу Белову, а также выдать ему в качестве награды за труды 500 франков⁷⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Черноухов Э. А. Выйское училище в 1806–1828 гг. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 1. Екатеринбург, 2001. С. 338–344; Он же. Учителя Выйского училища Демидовых (1806–1862) // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 88–98.

² Гуськова Т. К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. Челябинск, 1982. С. 163.

³ См., например: Устьянцев С. В. Очерки истории русской промышленной разведки. XIX век. Екатеринбург, 1994. С. 65–67.

⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 243. Л. 108 об.

⁵ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 65. Л. 214–214 об.

⁶ ГАСО. Д. 75. Л. 212.

⁷ ГАСО. Л. 212–212 об.

⁸ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 348. Л. 108.

⁹ Мельчакова О. А. Институт комиссаров в системе управления Нижнетагильским горнозаводским хозяйством Н. Н. Демидова: Макара Гаврилович Ткачев // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2009. Вып. 10. С. 288.

¹⁰ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 70. Л. 9 об.

¹¹ ГАСО. Л. 31.

¹² ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 913. Л. 16 об. –17.

¹³ ГАСО. Д. 391. Л. 96.

¹⁴ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 94. Л. 44.

¹⁵ Там же. Д. 122. Л. 308 об. Н. Н. Демидов распорядился, чтобы матери Турыгина, живущей при Нижнетагильских заводах, было выдано 100 рублей за имущество умершего сына.

¹⁶ Ерахтур – вотчина Н. Н. Демидова в Касимовском уезде Рязанской губер-

нии. Ерахтурское «сельское училище» было открыто не позднее 1818 г. и просуществовало до 1827 г.

¹⁷ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 145. Л. 102–102 об.

¹⁸ ГАСО. Л. 102 об.

¹⁹ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 145. Л. 103 об.

²⁰ ГАСО. Л. 128.

²¹ ГАСО е. Ф. 102. Оп. 1. Д. 145. Л. 129–131. В июне 1824 г. по приказу Н.Н. Демидова жалование Зорича было повышено до 2500 рублей в год, а в помощники к нему назначен «старший ученик» Порфир Макаров. ГАСО. Ф. 102. оп. 1. Д. 161. Л. 276.

²² ГАСО. Д. 158. Л. 81.

²³ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 161. Л. 16.

²⁴ ГАСО. Д. 158. Л. 229.

²⁵ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 913. Л. 1 об. –2.

²⁶ ГАСО. Ф. 102. оп. 1. Д. 158. Л. 149 об.

²⁷ ГАСО. Д. 161. Л. 29 об.

²⁸ ГАСО. Л. 236 об.

²⁹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 913. Л. 40 об. –41.

³⁰ ГАСО. Л. 65 об. –66.

³¹ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 161. Л. 239 об.

³² ГАСО. Д. 178. Л. 160.

³³ Устьянцев С. В. Очерки истории русской промышленной разведки. XIX век. Екатеринбург, 1994. С. 85–89.

³⁴ Шакинко И. М. Демидовы. Историческое повествование с портретами. Екатеринбург, 2000. С. 183, 185.

³⁵ Гуськова Т. К. Заводское хозяйство Демидовых в первой половине XIX в. С. 161.

³⁶ Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007. С. 38.

³⁷ Виргинский В. С. Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович Черепановы. М., 1986; Он же. Фотий Ильич Швецов. М., 1977.

³⁸ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 161. Л. 81 об.

³⁹ ГАСО. Л. 82 об. –83.

⁴⁰ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 161. Л. 195.

⁴¹ ГАСО. Д. 168. Л. 59 об.; Ф. 643. Оп. 1. Д. 555. Л. 157.

⁴² ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 178. Л. 79 об., 124.

⁴³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 555. Л. 189 об.

⁴⁴ Устьянцев С. В. Очерки истории русской промышленной разведки. XIX век. С. 87.

⁴⁵ Там же. С. 87.

⁴⁶ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 913. Л. 21 об. –22.

⁴⁷ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 194. Л. 35–35 об.

⁴⁸ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 194. Л. 35 об –36.

⁴⁹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 604. Л. 93–93 об.

⁵⁰ Василий Паужнин вместе с Александром Турыгиным был отправлен в Па-

риж в 1818 г. «для отдачи в ученье бухгалтерии» – ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 118. Л. 448 об.

⁵¹ ГАСО. Д. 143. Л. 223.

⁵² ГАСО. Д. 143. Л. 223.

⁵³ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 913. Л. 59 об. –60.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 89. Л. 123 об.

⁵⁶ ГАСО. Л. 105 об.

⁵⁷ ГАСО. Л. 106.

⁵⁸ ГАСО. Д. 90. Л. 21.

⁵⁹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 599. Л. 18.

⁶⁰ ГАСО. Д. 913. Л. 71 об. –72.

⁶¹ ГАСО. Л. 29 об. –30.

⁶² ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 122. Л. 273.

⁶³ ГАСО. Д. 118. Л. 200, 365.

⁶⁴ ГАСО. Д. 122. Л. 28 об.

⁶⁵ ГАСО. Л. 264.

⁶⁶ ГАСО. Л. 273.

⁶⁷ *Виргинский В. С.* Творцы новой техники в крепостной России. М., 1962. С. 250.

⁶⁸ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 145. Л. 40–41.

⁶⁹ ГАСО. Д. 158. Л. 81.

⁷⁰ ГАСО. Л. 180.

⁷¹ ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 913. Л. 16 об. –17.

⁷² ГАСО. Л. 90 об. –91.

⁷³ *Ключевский В. О.* Сочинения. В 8 т. Т. 4. С. 238.

⁷⁴ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 199. Л. 11 об., 21.

⁷⁵ ГАСО. Д. 158. Л. 211 об. –212.

⁷⁶ ГАСО. Д. 168. Л. 62 об.

Л. А. Дашкевич

**СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК ЧТЕНИЯ
И ШКОЛЬНЫЕ БИБЛИОТЕКИ НА УРАЛЕ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

В становлении культуры Нового времени значительную роль сыграли публичные библиотеки. Они стали неотъемлемым элементом читательской революции, которая охватила европейские страны в эпоху Просвещения. Цены на книги в Европе в то время были достаточно высоки, поэтому большой популярностью пользовались читальни, где человек, купивший абонемент, мог читать книги на месте или забирать их на время домой. В Англии подобные учреждения появились еще в первые десятилетия XVIII в., а в 1740-е годы начался их расцвет. По подсчетам Роже Шар-